

Елена Гусарева

ЗАБЫТЬ НЕ МОГУ

18+

Елена Гусарева

Забывать не могу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36128333

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1877-5

Аннотация

Кто сказал, что юность – счастливая пора? Для многих это время серьезных испытаний, сильных переживаний, катастроф и потерь. Время, когда мы силимся понять и простить, но не понимаем и не прощаем. Понимаем лишь много лет спустя и прощаем не от любви, а от усталости ненавидеть. Это остросюжетная драма о жизни подростков из неблагополучных семей, о подростковой преступности и субкультуре “АУЕ”; о первой любви, которая часто оставляет память на всю жизнь, но не имеет продолжения. В оформлении обложки использована авторская иллюстрация художницы Алисы Франц.

Содержание

Глава 1. Вера	4
Глава 2. Иван	14
Глава 3. Вера	27
Глава 4. Иван	40
Глава 5. Вера	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Вера

Мокрые жухлые листья липли к грязным ботинкам. Штанины внизу в бурых разводах. И как только ее угораздило забрести в самую глушь парка? Ведь шла по центральной, ярко освещенной аллее, а вдруг очутилась неизвестно где. Да еще эта парочка под деревом. Противно-то как! Вера спугнула их. Мужчина, неловко поправляя брюки, юркнул в парковые заросли. Его она не разглядела, только женщину. Та нарочито медленно запахнула пальто и поправила волосы. «Дура!» – процедила она сквозь зубы, проходя мимо Веры. Пока эти двое не скрылись из виду, Вера и шагу ступить не могла. Тело сделалось ватным, непослушным, но Веру это уже не удивляло. Провалы в памяти случались все чаще. На этой неделе их было два или три. Только бы не попасться в такие минуты на глаза матери.

Вера старалась ступать мягко, не делать резких движений. Каждый поворот головы отдавался острой болью. Она мечтала поскорее оказаться дома, забраться в мягкую постель и уснуть.

А вдруг этот вечер – последний? Вдруг она закроет глаза и... конец. Тревога заскребла под ложечкой, поползла мурашками по коже. Как же ей страшно! Разве можно умереть в шестнадцать?

Вера вышла к центральной аллее, увидела лавочку под

фонарем и пошла к ней. Рука нащупала в кармане пачку сигарет.

«Смерти нет!» – сказала себе Вера и неловко прикурила. Это была ее третья сигарета, не сегодня, а вообще. Едкий дым затопил легкие. Она закашлялась и бросила сигарету под лавку. Огонек вспыхнул и погас. Вера выкинула пачку в урну.

«Глупо...»

* * *

– Может, сегодня останешься дома? – Мать стояла, прислонившись к дверному косяку.

– Мам, мы же договорились, – не глядя на нее, Вера зашнуровывала грязные ботинки, которые так и не помыла с вечера. – Я полторы недели пропустила. И так сижу дуб убом.

– Тебе нельзя перенапрягаться, – мать нервно теребила в руках телефон. – Можно я тебя провожу?

– Нет, нельзя, – отрезала Вера. Она слишком резко поднялась с корточек. В глазах моментально потемнело, и она невольно покачнулась.

Мать всплеснула руками и бросилась к дочери. Подхватила ее под руки и усадила на низкий пуфик у зеркала.

– Ты на ногах не стоишь! – запричитала она.

– Мам, я чувствую себя хорошо, – твердо сказала Вера,

отводя навязчивые руки матери.

– Голова не болит? – не унималась та.

– Нет, – Вера встала и закинула на плечо рюкзак. – Все, я пошла.

– Подожди. Ну, куда ты в таких ботинках? – мать кинулась на кухню и вернулась с рулоном бумажных полотенец. Она встала перед дочерью на колени и начала оттирать грязь с обуви. Вера не сопротивлялась. Она заметила, что маникюр у матери облупился, и подкрашиваться она давно перестала, совсем себя запустила. Ходит по дому в черной водолазке, будто уже в трауре.

– А отец где? – спросила Вера скорее от неловкости, чем из интереса. – Он вообще ночевал?

Мать отмахнулась. Не поднимая взгляда, встала с колен и понесла грязные салфетки на кухню.

– Иди в школу, – крикнула она.

* * *

На пороге класса Вера столкнулась с физичкой, Тамарой Михайловной. Старушка заискивающе улыбнулась, от уголков глаз побежали кривые ручейки морщинок. Она вежливо поинтересовалась о здоровье. Вера, как всегда, заявила, что полный порядок.

– Верочка, у тебя совсем нет оценок, – учительница смахнула с ее плеча невидимую пылинку и поправила ляжку рюкзака.

зака. – Конец четверти на носу. Если готовилась, вызову тебя к доске.

Вера кивнула.

– Дорогая, у нас не было времени поговорить тогда... То, что ты видела на прошлой неделе... это совсем не то...

– Конечно, – оборвала ее Вера и пошла на свое место.

Олеся, соседка по парте с начальной школы, уже разложилась и сосредоточенно что-то писала в тетради. Вера подошла, и подруга быстро скрыла запись под локтем.

– О, привет! – сказала она, поднимая свои влажные коровьи глаза, в наивность которых не верил никто, знавший ее хоть немного. – Ты сегодня в школе. Как голова?

– Нормально.

Олеся закрыла тетрадь и спрятала ее в сумку.

– Тут на прошлой неделе Наташка сидела, – сказала она неуверенно. – Но я ей скажу, что... блин! Просто у нас сегодня проверочная, а я вообще ни в зуб ногой. Ты же знаешь, я пень в физике, а Наташка шарит.

– А я уже не шарю? – Вера начала раздражаться.

– Слушай, у тебя одни пропуски... Тебе-то все равно, а у меня аттестат.

– То есть мне все равно? – Вера встала и презрительно посмотрела на подругу.

– Верунь, ну не обижайся! Я не это имела в виду.

– Именно это!

Вера подхватила рюкзак и пошла на заднюю парту к тро-

ечнику Стасу. Видно, теперь ей место среди таких, как он.

– Бестактная дура! – прошипела она, вываливая содержимое рюкзака на парту. – Смотри, какая популярная вдруг стала.

Вера не хотела обижаться, но все-таки обиделась. Хотя Олеську тоже понять можно... Или нельзя? Вера совсем запуталась. А ведь если бы не она, быть Олеське изгоем до конца учёбы. Это теперь все ее жалеют, понимают, что kleптомания – психическое заболевание. Именно Вера буквально билась за подругу, чтобы ту не презирали и не сторонились. А ведь по сути, Олеська самая настоящая воровка. Если пропала ручка, пенал, а то и сумка, иди и спрашивай Олесю. Она тут же признается, все вернет и извинится. Уж извиняться она умеет! Только на следующий день опять кто-то чего-то не досчитается. У каждого в классе, хоть по мелочи, да и стянула.

Работает Олеська чисто, можно сказать виртуозно. Никто никогда не ловил ее с поличным... до недавнего времени. Как-то Вера случайно заглянула в пустой класс во время перемены и увидела, как та роется в сумке учителя. Следовало немедленно уйти, но Вера почему-то распахнула дверь кабинета настезь, и все, кто был в коридоре, увидели остолбеневшую Олеську с чужим кошельком в руках. Та моментально расплакалась, хотя никто ее не ругал, и даже директора не вызывали. Она извинялась в два раза дольше обычного. Все отнеслись с пониманием. С того дня между подругами

и не заладилось.

* * *

Физичка вызвала к доске и поставила четверку, решив за Веру большую часть задачи. На геометрии все сложилось куда менее гладко. Математичка всегда была стервой, и вlepила трояк. Но этой, в отличие от Тамары Михайловны, скрывать было нечего...

Про физичку давно сплетничали, мол, берет взятки за хорошие оценки. Но большинство учеников слухам не верили, считали ее доброй старушкой и скорее слабохарактерной, неспособной на такие выкрутасы. К тому же, заслуженный педагог. Но недавно Вера сама убедилась в справедливости подозрений. Она лично видела, как мать Прохорова передавала физичке деньги, а потом Денис получил «отлично» за контрольную и ответ возле доски, который еле тянул на тройку.

На литературе Вера почувствовала слабость и легкую тошноту. Пришлось отпроситься с урока. Уходить так демонстративно, конечно, не хотелось, но она знала, скоро начнется приступ. В такие минуты лучше найти спокойное, безлюдное место, чтобы перетерпеть.

На ходу проглотив несколько таблеток, Вера быстро оделась и сошла со школьного крыльца. Тяжесть в голове стремительно усиливалась. Перед глазами, застилая обзор, мая-

чили серые пятна. Вера с трудом разбирала, куда идет. Ей следовало срочно отправиться домой, прилечь, вызвать скорую. Но домой она не собиралась. Если мать еще раз увидит ее в таком состоянии, отправит в хоспис, где только и останется умереть, накаченной наркотиками.

Вера совсем потерялась. Рыже-красная круговерть листьев, слякоть, наглые маршрутки, незнакомые лица, как бледные всполохи перед глазами... Руки утонули в чем-то холодном и склизком. Она подтянула колени к подбородку, и началось... Рождаясь в затылке, огонь побежал, заструился по венам, обхватывая голову, как корень дерева оплетает камень на своем пути. Веру скрутила судорога, она захрипела и забылась, больше не осознавая себя, чувствуя лишь пламя, объявшее мозг.

Когда очнулась, поняла, что лежит на мокром асфальте, головой на коленях у парня, смутно кого-то напоминавшего: лицо бледное и сосредоточенное, ярко-алые губы в трещинках, в уголке рта запекшаяся болячка, небритый подбородок. Парень судорожно сглотнул и неожиданно грубым голосом закричал в трубку сотового:

– Здесь девушка умирает! Приступ какой-то... Не знаю... нет, я ее не знаю... Адрес... Блин! – Парень закрутил головой. – Улица Молодежная, тут рядом...

Вера махнула рукой и выбила трубку из рук парня. Телефон отлетел и плюхнулся в лужу неподалеку.

– Ты че? – парень ошарашенно уставился на Веру.

– Все в порядке, – сказала она скрипучим голосом.

– Ни хрена себе в порядке! – он рванулся встать.

Голова Веры соскользнула с его колен и приложилась затылком об асфальт. Вера зажмурилась от боли.

– Да елки... блин! Прости, прости! – парень помог Вере сесть. – Нужно в больницу!

– Не нужно. У меня так бывает... пройдет, – Вера запустила руку в карман и достала таблетки. – Помоги открыть, пожалуйста, у меня руки грязные.

Парень тут же кинулся помогать, но был так напряжен, что просыпал половину баночки.

– Гадство! – выругался он опять, пытаясь собрать красные шарики.

– Ты меня не помнишь? – спросила вдруг Вера.

Парень замер и внимательно посмотрел на нее.

– Нет, – помотал головой.

– Ты ведь учился в пятой школе. В прошлом году еще ходил, а после нового года пропал куда-то.

– А ты из пятой, что ли?

– Ага. Вы переехали?

– Ну да, – парень дернул бровями. – Я че-то тебя совсем не помню. Ты из какого?

– Сейчас десятый «Б».

– А... так ты не с моей параллели?

– Ну да, на год младше. Я встану сейчас, проводишь меня? Тут недалеко.

– Конечно! – он порывисто подал ей руку.

Она помнила его именно таким – порывистым и резким. И смеялся он всегда громко и басовито, от души. Надо же было именно ему оказаться рядом в такой момент.

– А я тебя хорошо помню, – Вера попыталась отряхнуть брюки, но, почувствовав резкую боль в затылке, решила оставить их, как есть. – Иван Ставригин?

– Слушай, а я вообще тебя не помню, – рассеянно повторил он. – Ты точно в порядке? – Иван нагнулся к луже, выудил телефон и, не глядя, сунул его в карман.

– Извини за сотовый! Сломался?

– Забудь, – отмахнулся он.

Они медленно пересекли улицу.

– Может вспомнишь, я декорации рисовала для спектакля на новый год. А вы с театральной группой как раз репетировали в актовом зале.

Он пожал плечами.

Вера могла бы припомнить еще сотню таких же моментов, когда они были рядом, но он в упор не замечал ее.

– А куда вы переехали?

– Да... – он пожал плечами. – Частный дом купили в районе ж/д вокзала.

– А какая там школа?

– Хм... – он наморщил лоб, вспоминая. – Пятнадцатая, что ли...

– Так ты там не учишься?

– Не... я сейчас дома. Как-то не до школы пока.

– А... – Вера кивнула и решила больше не спрашивать.

Дальше они шли молча.

– Ну, вот тут я и живу, – Вера махнула в сторону своих окон на втором этаже элитного кирпичного дома с большими застекленными террасами.

– Ага, – Иван кивнул. – Ты все-таки вызови врача сегодня.

– Обязательно!

– Слушай, я тебе позвоню, ладно? Какой у тебя номер?

В затылке резко кольнуло, и Вера еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Она невольно поморщилась.

– Не стоит, – сказала она. – Я правда в порядке.

Он опустил глаза и кивнул. Потом отвернулся и, не прощаясь, быстро зашагал прочь.

Глава 2. Иван

«Вот идиот! – ругал себя Иван. – С чего вдруг попросил у нее номер? Как брезгливо она сморщилась. Как же ее зовут? Нина, что ли? Нет, Вера! Вечно щеголяла в модных шмотках, даже старшеклассницы ей завидовали. Папаша у нее, кажется, в администрации работает. Конечно, подумала, что я захочу позвонить, только чтобы выклянчить деньги за сломанный телефон».

Иван оглядел себя. Уже третий год он ходил в одной и той же поношенной куртке с давно ставшими короткими рукавами. Эту куртку еще с отцом покупали. Она и узнала-то его наверняка благодаря этой куртке. Помнится, однажды ему не хватило пары монет в школьной столовой, он обернулся и попросил у стоящих за ним в очереди девчонок добавить. Его подняли на смех. Она тоже была в их компании. Пришлось тогда забыть про обед.

Иван вытащил из кармана забрызганный грязью телефон. Стекло треснуло еще до того, как он ему достался, но сам гаджет работал отменно. Иван нажал кнопку включения. Экран остался темным.

– Зашибись, блин!

Брателло в кои-то веки подогнал айфон, а он утопил его на следующий же день, и пары звонков не успел сделать. Придется опять доставать неубиваемую Нокию.

«Какого черта она руками размахалась? – ворчал он про себя, расковыривая простуду над губой. – Может, обдолбалась своими таблетками? Иначе с чего ей врачей бояться? Эти богатенькие только выглядят прилично, а сами загоняются не хуже гопоты».

Иван успел подметить, что выглядела Вера не лучшим образом – помятая, в каких-то старых шмотках, но главное даже не это. Она всегда была яркой, крепко сбитой, даже спортивной, с выразительными чертами лица и здоровым румянцем, как пионерка с картинки в старом букваре. От той активистки осталась лишь тень – бледная, замученная, со впалыми щеками и темными кругами под глазами. Зачем-то подстриглась совсем коротко, а ведь раньше носила модные кося.

«Видно, действительно что-то принимает, – Иван тоскливо поёжился и скрестил руки на груди, спрятав их под мышками. – Сколько грязи вокруг...»

Проходя мимо магазина, он увидел через стекло стеллажи с памперсами и детским питанием. В груди потеплело и мурно заскребло. «Сорока-ворона кашу варила...» Маленькие ласковые ладошки Светланки. Так хотелось потискать ее, пощекотать за розовым ушком. Опять он здесь, в этой части города, а ведь с утра не собирался, они расстались только вчера. «Хорошо ли с ней обращаются в интернате? Да уж лучше, чем дома, – Иван зашагал быстрее и свободнее. – Может, теперь она заговорит? Там у нее и воспитатели, и другие

детишки. А то три года – три слова: “ням”, “дай”, “Ива”...»

Ива – это он, Иван. Теперь его даже брателло так зовет.

Иван замедлился, остановился. Потом, неуверенно пройдя немного назад, свернул на перекрестке. «Нет, нельзя сейчас к ней, – решил он. – Домой запросится, раскапризнится...» Мать со среды в запое. Вчера вечером заявился кривой Семён с какими-то мужиками, принес бутылку мутного самогона. Вся компания, включая брателло, бухала до ночи, музыка гремела так, что Иван уснул только к утру. Хорошо, что Светланка теперь в чистоте и уюте. Пусть привыкает к интернату. Там и накормят, и оденут по-человечески. Он-то сам что может?

Старая улица с голыми тополями уходила под горку. Встречный прохожий, шумно пыхтя носом, приветственно кивнул мимоходом. Его лицо казалось знакомым. Может, бывший сосед? Нахлынули воспоминания. Зимой, возвращаясь из школы с пацанами, они скатывались на ногах вниз к магазинчику на углу. Там обычно покупали жвачку и другие мелочи. Теперь, проходя мимо, Иван заглянул в прозрачную витрину. За кассой стояла все та же продавщица с красным бейджиком в петлице. Надпись издали не читалась, но Иван помнил, что зовут ее Алла. Она заметила Ивана в витрине, и взгляд ее потеплел, или ему только почудилось. Он отшатнулся от стекла и заспешил в переулок между домами. Скоро показался родной подъезд, в котором Иван прожил без малого пятнадцать лет. Он сел на лавочку у подъезда,

достал сигареты, но вспомнив, что обещал Светланке больше не курить, убрал назад в карман. Она взялась играть его сигаретами. Складывала из них разные фигурки и домики. Плохого в этом, кажется, и не было, но Ивану стало неприятно. Он долго говорил ей о вреде курения и обещал бросить, хотя она его совсем не просила. Теперь он жалел об этом. Сигареты помогали заполнять паузы, когда, казалось, нужно что-то сделать, хотя делать абсолютно нечего. Как сейчас.

В окнах их прежней квартиры на втором этаже зажегся свет. Он упал мутным пятном на клумбу напротив подъезда, захватив частично и Ивана. Незнакомая женщина в домашнем халате мелькнула в окне, она подошла к холодильнику и что-то взяла оттуда. Иван отметил, что у них холодильник стоял на том же месте – в углу, возле окна. Было странно наблюдать, как чужие люди ходят по его кухне, открывают холодильник... Он все еще чувствовал, что это его квартира, но из-за какого-то дикого недоразумения оказался на улице под дождем и вынужден теперь скитаться по чужим домам.

Дождь на самом деле припустил, но Ивану уходить не хотелось. Он встал под козырек, а потом, сам не понимая зачем, зашел в подъезд и поднялся на второй этаж. Дверь их квартиры выглядела совсем по-другому – зеленую железную заменили на дорогую, под дерево.

– Как баба, честное слово! – выругал себя Иван и побежал по ступенькам вниз.

На первом этаже он столкнулся с их бывшей соседкой,

Марьей Петровной, – одинокой интеллигентной старухой, которая выглядела, сколько Иван ее знал, всегда одинаково. Казалось, время для нее остановилось лет в шестьдесят пять.

– Ванечка! – всплеснула она руками. – Не ожидала тебя здесь увидеть.

– Здравсьте, – буркнул Иван и хотел проскочить мимо, но Марья Петровна преградила дорогу.

– Ты, наверно, к Сереже с пятого этажа забежал?

– Точно, – тут же согласился Иван. С Сережкой они никогда не дружили, хоть и знали друг друга с детского сада.

– А я про вас часто вспоминаю, – сказала женщина с какой-то особой теплотой в голосе, так что Иван замер. Давно он не слышал таких интонаций в свой адрес. – Может, зайдешь на чай? У меня варенье из земляники, сама собирала. Очень вкусное!

Желудок одобрительно заурчал, но Иван вдруг понял, что не сможет весь вечер врать.

– Марья Петровна, я тороплюсь, – ответил он, а сам и с места не сдвинулся. Соблазн остаться на чай был все-таки слишком велик.

– Ну конечно, – ласково улыбнулась та.

Иван отметил, что передние зубы у нее все целы, ровные и светлые.

– Ну, хоть расскажи, как поживаете? – продолжала спрашивать соседка. – Вы теперь с мамой?

– Ну да.

– Ростислав, наверно, уже поступил куда-нибудь?

– Ага, на сварщика, – соврал Иван.

– А ты еще в школе?

– В выпускном, в пятнадцатой.

– Молодец, ты всегда хорошо учился. Куда поступать будешь?

– На программиста хочу.

– И правильно! Тебе в университет нужно.

– Ну да.

– А как мама?

– Нормально, работает продавцом. – Она и вправду когда-то работала в супермаркете. Это еще когда они с отцом вместе жили, Ивану лет пять было. – У меня теперь сестра младшая есть.

– Да ты что!

– Светланой зовут. Ей три года.

– Так мама ваша замуж вышла?

– Да... там тоже ничего не получилось. – Иван отмахнулся.

«Зачем он про Светланку рассказал?»

– Ну, мне пора, – заторопился он, протискиваясь мимо соседки.

– Счастливо, – попрощалась Марья Петровна с ноткой грусти в голосе. – Ростикку привет передавай.

Иван кивнул и выбежал вон из подъезда.

Когда он оказался на улице, совсем стемнело. Отчаянно

тянуло покурить, но он держался. Выкинул сигареты в урну на остановке, чтобы не соблазниться, и прыгнул в маршрутку, идущую до Привокзальной. Домой хотелось меньше всего, но глаза слипались, а ночевать на улице не улыбалось. Дождь постепенно обратился в снег. Он мягко конопатил щели в бордюрах, растворялся в черных провалах луж. Удаляясь от центра города, людей и света на улицах становилось все меньше.

Иван согрелся и выскользнул из реальности. Ему снилось, как он пытается вытащить из пачки сигарету, но руки не слушаются, сигареты под пальцами крошатся, а он злится от нетерпения. Вдруг голос отца сказал над самым ухом: «Еще раз увижу, голову оторву!». Иван оглянулся, но вместо отца увидел склонившегося над ним водителя маршрутки. Тот тряс его за плечо: «Приехали, конечная!».

Иван соскочил с подножки и побрел в сторону дома. Он обогнул здание вокзала, недавно отреставрированное и выглядящее вполне цивилизно, и направился к старому району «привокзальных деревяшек», как его было принято называть в городе.

Асфальт скоро закончился. Фонари заметно поредели. Грязная улица нестройных деревянных домов за покосившимися заборами начиналась скелетом «запорожца», в котором недавно оценилась бродячая сука. Иван обогнул «запорожец» по широкой дуге. Псина заволновалась и истошно завывла. Кто-то выругался матом в темноте. Возле дома

напротив Иван различил огонек сигареты соседа. Проваливаясь в жидкую грязь, он побрел дальше. Иван жил на этой улице уже второй год с тех пор, как не стало отца, но так и не привык, не чувствовал, не хотел чувствовать себя своим. Казалось, к такой обстановке невозможно приспособиться и за десять лет. Каждый раз, сворачивая на эту улицу, которую и улицей-то назвать было нельзя, в груди закипало возмущение. Всей душой, всем существом он ненавидел женщину, которая была в ответе за случившиеся с ним и братом несчастья, – его собственную мать.

* * *

В доме матери горел свет во всех окнах. Верка-Сердючка горланила из открытых форточек: «Гоп, гоп, гоп чида – гоп...» Гулянка, видно, была в самом разгаре. Иван перелез через поваленный забор, прошел запущенным огородом, чтобы войти домой не в дверь, а в окно, как он в последнее время привык делать. Так был шанс, что мать не заметит его возвращения. Все лето он ночевал в сарае и почти не показывался ей на глаза, но сейчас слишком холодно.

Иван делил комнату с «брателло» – так они привыкли друг друга называть еще с пеленок, хоть и звучало теперь глупо и старомодно. Они были близнецами и, хотя внешне на первый взгляд ничем не отличались, никто из знакомых их не путал. Еще в детском саду, после пары минут обще-

ния с братьями, разница становилась очевидной, даже если их одели одинаково. Манера говорить, мимика, жестикаляции, темперамент, походка – все отличалось. Иван не припоминал, чтобы в детстве они делили игрушки, потому что у каждого были свои любимые. Они никогда не дрались и не ссорились, играли чаще всего отдельно, общих друзей не заводили. И чем старше они становились, тем больше не совпадали.

Иван хорошо ладил с отцом, Ростислав тяготел к матери. В отличие от брата, Иван спокойно воспринял развод родителей, считая это делом вполне естественным. Уж слишком тяжело они уживались под одной крышей. Воспоминание, в котором зареванная мать стоит на лестничной площадке с чемоданом, не вызывало почти никаких эмоций. В тот момент Иван больше переживал за брата, которого отец запер в комнате, не позволяя проститься. Уход матери положил конец бесконечным скандалам, значительно облегчив им жизнь. Уже тогда Иван поддерживал отца, и его обиды были обидами Ивана. Брат же принял сторону матери и нашел способ поддерживать с ней связь, хотя ему в то время было всего шесть. Иван помнил, как Ростик, по наущению матери, тащил из дома разные вещи и воровал у отца наличные. Однажды отец поколотил его, сказав, что, если хочет помочь «потаскухе», пусть попросит, а воровство недопустимо. Рост никогда не просил, но каждый месяц из кошелька отца пропадали деньги. С тех пор отец делал вид, что не за-

мечает. Иван с матерью не общался вовсе, да и она никогда не искала встреч, и даже не интересовалась им.

Всем казалось, братьев ничто не связывает. После первого класса учителям не приходило в голову сажать их за одну парту. А в седьмом они и вовсе оказались в разных параллелях. Если Рост пропускал школу, интересоваться у Ивана, почему брат отсутствует и где находится, не имело смысла, и все быстро перестали спрашивать. На переменах они ходили порознь, вращаясь в разных компаниях. На родительских собраниях про Ивана говорили мало. А что говорить, если все в порядке? Зато недостатки Роста могли обсуждать часами. У некоторых родителей даже сложилось впечатление, что Ставрыгин в школе только один. Но Иван всегда чувствовал, что не сам по себе – их двое, и все, что касается его, имеет отношение и к брату, пусть часто и с противоположным знаком.

Иван подошел к дому, сложенному из толстых, почерневших от времени бревен. Давно некрашенные ставни сидели косо и уже не закрывались. Про стеклопакеты в этом районе знать не хотели. Из темноты двора отлично просматривалось, как Рост напряженно расхаживает по комнате, жестикулирует и шепчет себе под нос.

«Ну, хоть трезвый!», – Иван дернул оконную раму. Брат, услышав его, поспешил подставить к подоконнику стул, чтобы помочь забраться внутрь. Иван с подозрением покосился на Роста. Такая предупредительность между ними не в по-

чете.

– Ты где шкеришься? – возмущенно накинулся он на Ивана. – Я тебя весь вечер вызваниваю.

Иван пожал плечами, достал из кармана сломанный телефон и бросил его брату со словами:

– Утопил.

– Красава! – Рост недовольно покрутил телефон в руках и понажимал на кнопку.

– Я думал, тебе тут весело, – Иван мотнул головой в сторону комнаты, откуда гремела музыка.

– Не до веселья, – буркнул брат. – У меня проблемы.

То, что у Роста проблемы, никого бы не удивило, зачем только он докладывал о них ему, Ивану.

Рост опять пустился в бег по комнате.

– Брателло, я вляпался... – сказал он наконец, царапая ногтем свою простуду. Странное дело, вирусы они подхватывали одновременно. Вот и сейчас у брата в уголке рта красовалась живописная язва. Иван подошел и слегка ударил его по руке, чтобы тот оставил болячку в покое.

– И че? – просил Иван.

– Я бы тебя не просил, но никому говорить нельзя, иначе какая-нибудь падла обязательно заложит Лысому.

С тех пор как они переехали в это злачное место, Рост приторговывал травкой на вокзале. Товаром его снабжал Лысый – местный барыга. Вчера он приходил с пакетом, видно, принес товар. Пьянка у матери была в самом разгаре, и

он остался. Может и сейчас блюет где-нибудь за сараем.

– Ну? – угрюмо спросил Иван, уже догадываясь, в чем дело.

– Мне вчера килограмм травы подогнали. Я ее, как обычно, в схрон запечатал. Сегодня проверил – пусто... Вскрыли!

– Кто?

– Конь в пальто!

– Может, кто видел, как ты товар прячешь?

– Схрон надежный! Я же не лох, чтобы подставляться...

– Ну, тогда возьми свою траву, где оставил, – отмахнулся Иван. Он скинул ботинки и, как был, в куртке, повалился на кровать. Глаза смыкались сами собой.

– Ива, слушай, это пипец как важно! Ты че, не врубаешься? Килограмм травы...

– Вы с Лысым вчера в обнимку сидели, только взасос не целовались, – Иван отвернулся к стене. Его сыроватая подушка тошнотворно пахла гусиным пером и кислятиной. – Сколько народу в хате толчется? Может, ты спяна не помнишь, куда пакет сунул.

– Когда Лысый явился, я трезвый был, – скрежетал зубами Рост. – Сначала прибрал пакет, только потом забухали.

– Трезвый?! Да вы с матерью уже пятый день не просыхаете! – бросил Иван через плечо.

– Отвали!

– Сам отвали, понял! Я спать хочу! – заорал он. – Достали вы меня! – Иван уткнулся носом в закопчённую штукатурку

стены.

– Ох, полюбуйтесь! Кто тут у нас... – послышался пьяный голос матери.

Иван не слышал, как она вошла. Он не стал оборачиваться, притворяясь спящим. Эту только зацепи, она сейчас в самой кондиции, чтобы поскандальить. А ему так хотелось поспать хоть пару часов не на холодной лавке в парке, а в какой-никакой кровати, под крышей и в тепле.

– Мам, я щас приду. Оставь его, – забубнил Рост, но та не унималась.

– Паскуда, – прорычала она, обращаясь явно не к брату. – Какого хера ты пришёл?! Это мой дом. Убирайся! Ночует тут и еще пальцы передо мной веером... – разорялась она.

В кровь прыснуло ядом раздражения, но Иван терпел, не оборачивался и молчал.

– Мать, отчепись! Нам тут перетереть надо, не видишь... – послышалась возня. Видно, Рост пытался выдворить ее из комнаты.

– И ты туда же, скотина, защищаешь выродка! Он нас не уважает. А на тебя он клал!.. – рычала она.

Рост все-таки вытолкал мать из комнаты, и сам ушел вместе с ней. Хлопнуло дверью, и шансон забубнил глуше. Иван облегченно выдохнул, невольно чувствуя благодарность к брату. Если бы не Рост, Ивану давно пришлось бы бомжевать. Он закрыл глаза и тут же отключился.

Глава 3. Вера

Вера дошла до пролета на втором этаже, но на свою площадку подниматься не спешила. В голове после таблеток немного прояснилось, но стоило еще немного подождать, чтобы окончательно прийти в себя. Иначе родители догадуются о приступе. Она села на подоконник и принялась оттирать грязь с куртки и штанин.

Кажется, она его обидела. И почему не дала ему свой номер? Испортила телефон, а номер не дала. Когда в последний раз кто-то из мальчиков хотел ей позвонить?

Вера открыла с телефона свой паблик «ВКонтакте». Накануне утром она запостила пару красивых строк неизвестного автора: «По листьям опавшим деревья не плачут... Им новые листья подарит весна... Уметь не жалеть – вот, поистине, счастье... Не плакать о том, что ушло навсегда...» За целый день ни одного лайка, ни одного комментария, даже от Олеськи. Тишина. Да что там паблик, на нее никто не смотрит. В буквальном смысле. Все отводят глаза, отворачиваются. Все подчеркнуто любезны. Полгода назад, в самом начале болезни, у Веры был период, когда она злилась на все и на всех. Но, что бы она ни вытворяла, как бы отвратительно себя ни вела дома или в школе, никто не обижался, никто не отвечал грубостью на грубость, и это бесило еще сильнее. Если бы только ей ответили, если бы только отнеслись как к

нормальной зарвавшейся, обнаглевшей стерве, но нет... Она разом попала в особую категорию прокаженных, с которыми нельзя спорить, на которых нельзя обижаться. Для них она уже умерла, а о мертвых либо хорошо, либо ничего. Ведь они отпустили ее без борьбы и, кажется, почти без сожалений. Даже мать, каждый раз глядя на Веру, прощалась.

Но это было только началом. Дальше стало еще хуже. Скоро все устали ее жалеть. Устали чувствовать себя виноватыми за то, что они здоровы и могут жить, а Веры скоро не станет. Каждый раз, когда она возвращалась в школу, одноклассники и учителя будто говорили: «Ну, когда ты уже умрешь, и мы сможем забыть о тебе?» Она чувствовала, как ее отторгают. И если бы только школа и друзья, но даже собственные родители устали от нее. Отец все реже появлялся дома. Он усиленно взялся за работу, ведь на операции и лекарства нужны деньги. Его продвинули по службе. А недавно выяснилось, что у отца роман с ассистенткой, о котором знают буквально все. Он даже не потрудился хоть как-то скрыть измену. Когда новость дошла до матери, и она накинулась на него с обвинениями, он заявил, что устал, и «ему нужен глоток свежего воздуха». Он, видите ли, не может, возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня, погружаться в «депрессивную обстановку». На него оказывают давление, и «он страдает». Вера была в бешенстве.

«Это он-то страдает! – думала она. – Да что он знает о страданиях?.. Может быть, это он умирает?»

Но самое отвратительное началось примерно месяц назад. Вера вдруг начала замечать разные... мерзкие вещи. Поначалу это не казалось чем-то необычным. Ну, заметила она, как в супермаркете приличная с виду старушка запихала в сумку жареную курицу, а потом прошла мимо кассы и не расплатилась. Потом вдруг наткнулась в своем подъезде на наркомана со шприцем в руках, хотя дом у них приличный, в подъезд просто так не войдешь – домофон, а на входе обязан сидеть консьерж.

Скоро и дня не проходило, чтобы она не оказалась свидетельницей какого-нибудь мелкого или даже крупного преступления. Непонятнее же всего было то, что она отправлялась в самые неожиданные места, куда совсем не планировала. Вера не помнила, как добиралась на другой конец города, чтобы в замызганном переулке увидеть кровавую драку. Как только ее не заметили? Ей следовало немедленно скрыться. Вот только что-то держало ее там, что-то заставляло смотреть, как двое мужиков в масках избивали третьего, выколачивая из него дух ботинками. Жертва лежала на земле, лицом вниз, и уже не двигалась, лишь слабо вздрагивала от ударов. Вера зажала рот руками, чтобы не выдать себя криком. Ее отпустило, лишь когда в переулке показался еще один человек с короткой дубинкой. Двое в масках сразу встрепенулись. Тот, что повыше, широкоплечий, подхватил с земли огромные спортивные сумки и побежал прямо на нее. Второй, коротышка, закричал от боли, видно, схло-

потав удар дубинкой. Вера уже не смотрела. Она побежала, не разбирая дороги, спотыкаясь на ровном асфальте. На перекрестке она запрыгнула в проходящую мимо маршрутку, идущую совсем не в ту сторону, что ей было нужно. Автобус кружил по городу не менее часа, прежде чем Вера, наконец, пришла в себя после увиденного. Она так и не позвонила в полицию. Несколько раз порывалась набрать номер скорой, но не сумела припомнить ни улицы, ни района, где произошла драка. В конце концов, она убедила себя, что увиденное – галлюцинация, игры больного мозга. Теперь-то она знает, что это не так. А тот человек, возможно, умер раньше неё...

На улице начало смеркаться. В подъезде зажегся свет. Кто-то поднимался снизу. Вера встала с подоконника и отправилась домой.

* * *

В квартире было тихо, но в зале горел свет. Вера скинула ботинки и прошла в комнату. Отец, в костюме и при галстукe, сидел в кресле и смотрел в темный экран телевизора. Мать лежала на диване. Она встала, когда Вера вошла. Отец тоже поднялся, пересек зал и сел на диван рядом с матерью. Выглядели они как два нашкодивших первоклассника.

– Вы что, разводиться собрались? – спросила Вера без обиняков, наблюдая классическую сцену, после которой обычно следовали слова: «Нам нужно серьезно поговорить».

Мы решили развестись, но тебя это не касается».

– Нет, что ты! – Отец опять вскочил и зашагал по комнате, потирая подбородок.

– Доченька, мы просто хотели поговорить... – пролепетала мать.

– Ну, если не о разводе, тогда о чем? – Вера скинула куртку и бросила на пустое кресло.

– Мы консультировались с Никитой Сергеичем, он настаивает на повторной операции. Верушка, это очень важно. Каждая минута...

– Нет! – отрезала Вера и развернулась, чтобы уйти в свою комнату.

Отец подскочил к ней, схватил за плечи и, как всегда эмоционально, проговорил:

– Это твой последний шанс, ты понимаешь?

– То же самое ты говорил и в прошлые два раза. Шансов больше нет, – спокойно сказала Вера и высвободила руки.

– Вера! – заревел отец.

– Оставьте меня в покое! – не выдержала она. – Ведь вы не для меня стараетесь, вы для себя стараетесь... Чтобы, когда меня не станет, сказать себе, что вы сделали все возможное, не поскупились. Отвяжитесь, понятно! Займитесь собой, своими отношениями. Сексом займитесь, наконец! А меня оставьте! Мозг мне не выедайте, от него и так ничего не осталось.

Вера выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью.

Она прошла к письменному столу и включила лампу. Начала выкладывать из рюкзака учебники. Больше в школу она не пойдет, хотя, кажется, уже зарекалась.

После сказанного сгоряча Вера чувствовала себя мерзко. Жестокие слова, родители не заслужили, особенно мама. Ее жалко больше всего. Тяжело смотреть, как она мечется от бессилия, стараясь сделать невозможное. Еще тяжелее осознавать, что ты причиняешь кому-то острую, невыносимую боль, но ничего не можешь изменить, как бы ни старался. Отец нашел утешение, а мама увядает на глазах. Этот год стал для нее десятилетием.

«Скорей бы все закончилось», – подумала Вера.

Она решила, что немного погодя пойдет к ней и попросит нарисовать ее, Верин, портрет. Мама так давно не брала в руки кисти и краски. Оставила невыполненными заказы. Подготовку к персональной выставке забросила. Даже мольберт сложила и убрала в кладовку. Нужно попытаться расшевелить ее, заставить хоть отчасти вернуться к нормальной жизни. Пусть она рисует Веру, пусть вспомнит свои прежние эмоции.

«Истинное счастье в творчестве, в созидании», – говорила мама.

Когда-то они рисовали вместе, и мама поправляла ее, по-

могая «правильно видеть». У Веры неплохо получалось. Даже думала, не поступить ли на культурологический. Отец склонял к экономике и праву. Теперь уже неважно. Больше не нужно беспокоиться о плохих оценках, несданных зачетах, ЕГЭ... Не нужно ломать голову над выбором профессии. Она вдруг стала свободной от мирской суеты и социальных формальностей. Она не обязана становиться кем-то и что-то из себя представлять. Теперь она может быть любой – небрежной, грубой, в плохом настроении, отстраненной, безучастной... Когда ты умираешь, тебе наконец позволяют быть собой.

Вера разделась и легла в кровать.

* * *

Ей опять снилась чертовщина. Она стояла в длинной очереди мужчин, женщин и детей. Вокруг – ничего, лишь тускло освещенные стены длинного, без начала и конца, коридора. Очередь медленно двигалась. Каждые несколько секунд Вера делала короткий шаг вперед. Изредка к очереди подходил человек. Он что-то спрашивал у одного из стоявших, внимательно слушал. Вера все ждала, когда же подойдут к ней, но человек ее игнорировал. Ей хотелось спросить у рядом стоящих, кто он и о чем спрашивает, но она не решалась. Люди молчали, их взгляды были отстраненными, лица ничего не выражали. Никто не пытался пройти а начало или конец

очереди. Только Вера все озиралась по сторонам и старалась понять, где она, и зачем эта очередь.

Вера проснулась в половине девятого утра и поняла, что ей обязательно нужно в школу. Она прекрасно помнила, что первым уроком стоит физкультура, и ей там делать нечего, но все-таки начала собираться. Оно самое! Будто кто-то настойчиво зовет ее, а если она воспротивится, останется в кровати и попытается опять уснуть, сознание просто отключится, и она все равно окажется в школе. Провалы в памяти пугали сильнее, чем приступы головной боли.

Вера нашла в шкафу старые джинсы и водолазку, быстро оделась и закинула рюкзак на плечо.

Хотела выскользнуть из квартиры незамеченной, но замешкалась в коридоре, пытаясь найти свою куртку. Из зала вышла мама. На ней были те же юбка и черная водолазка, что и накануне вечером.

– Я купила тебе куртку, – сказала она, подавая Вере хрустящий бумажный пакет, из которого торчала голубая ткань. – Хотела вчера показать, но ты была не в настроении.

– Мне не нужны новые вещи, – Вера сосредоточенно шарилась в шкафу, уже поняв, что старой куртки там нет. Она злилась. В последнее время мать задаривала ее дорогостоящими вещами на целую жизнь вперед. Разве не понимает, что скоро это некому будет носить?

– Она вся в грязи, – сказала мать. – Я бросила ее в стирку. Она достала из пакета новую куртку с нелепыми завязка-

ми в виде бантиков.

– Мне понравилась, такая веселая... Наденешь ее, и настроение сразу улучшится.

– Что не так с моим настроением? – бросила Вера и осеклась, вспомнив, что собиралась помириться с мамой.

Внутреннее напряжение нарастало, нужно было торопиться. Вера схватила новую куртку и, чмокнув мать в щеку, скрылась за дверью.

* * *

Тучи пятнами ржавчины низко летели над городом. Вера быстро шла через сквер к школе, едва огибая лужи. На урок она уже опоздала. Вряд ли кто-то ожидал ее появления, но она торопилась. Что-то подгоняло ее. Она решила срезать и, пробравшись через дырку в решетке забора, вышла на стадион.

Варвара Сергеевна, фанатичная физкультурница, выгнала 10«Б» на улицу. Вера сразу увидела одноклассников, ребята стайкой инвалидов вяло бежали по кругу. Учителька остервенело дула в свисток и шелкала секундомером, когда кто-то из учеников пробегал мимо.

Вера пересекла стадион и устроилась на небольшой трибуне напротив спортивной площадки. Скоро туда потянулись парни из их класса. Они столпились возле турника и начали по очереди подтягиваться. Девчонок взяла в оборот

Тамара Михайловна, заставила их прыгать в длину. Холод стоял собачий. Вера и сама с удовольствием пробежалась бы или попрыгала, а еще лучше – просто ушла, но ее будто кто приклеил к мокрой скамье. Она с трудом привстала, подсунула под себя рюкзак, натянула поглубже капюшон. Подбородок утонул в воротах водолазки.

Зачем она пришла на урок? Зачем сидит здесь под морозью? Чего именно ждет? На душе стало тревожно. Вера оглянулась и увидела на самой верхотуре трибуны щуплого мужика, на вид лет пятидесяти. Погруженная в свои мысли, она заметила его только сейчас. Незнакомец, как и Вера, ежился от холода, пряча руки в карманах и втягивая голову в стоячий воротник короткой кожаной куртки. Заметив, что Вера наблюдает за ним, тут же встал и начал спускаться вниз по трибуне. Проходя мимо, мужик смачно сплюнул в сторону. Вера от неожиданности вздрогнула.

«Старый отморозок!» – подумала она.

Мужик пересек стадион и скрылся в той самой дырке, через которую пришла Вера.

«Может, педофил?»

Вообще-то, их район считался благополучным. И школа – самая приличная в городе. Все старались сюда попасть. Даже конкурс вступительный завели. Хотя оценивали скорее благосостояние родителей, чем умственные способности детей. Вера училась здесь с первого класса. Она любила свою школу. И с классом, и с учителями была в самых хороших отно-

шениях. Училась преимущественно на пятерки. Все пророчили ей медаль, пока не... случилось то, что случилось. Теперь про медаль не вспоминали.

Вера встала и собралась уходить. Небо затянуло так, что казалось, наступил вечер. Мелкий дождь обратился в ледяную крупу. Вера закинула на плечо рюкзак и тут только увидела их – компанию ребят лет тринадцати-четырнадцати. Выглядели они почти одинаково, как инкубаторские: все в темных коротких пуховиках и вязаных шапочках. В землистых лицах малюток читалось что-то зловещее. Они направлялись к спортивной площадке, где все еще занимались на турниках пятеро Вериных одноклассников. Остальные успели смыться в школу, пока физкультурница гоняла девчонок.

Малютки окружили парней. Завязался разговор, которого Вера не могла расслышать, но и без слов было ясно, что подростки чего-то требуют, а может даже угрожают. Стас Проханов – самый здоровый из одноклассников, вдруг шагнул к одному из мальчишек и взял того за ворот куртки. Другие парни тоже ошетинились. Их лица выражали искреннее возмущение, и даже недоумение. Стас трепал малютку за воротник и что-то объяснял тому, хмуря густые брови. Вдруг самый мелкий из малюток подскочил к Стасу и, кажется, слегка толкнул того в бок. Стас покачнулся и, неестественно тонко завыв, повалился в грязь. Трое из одноклассников, Сергей, Макс и Мишка, сразу бросились к школе. Толстый

Марат растерянно пятился, обхватив голову руками. Малолетки всей толпой принялись пинать Стаса.

Вера смотрела во все глаза, не способная пошевелиться или хотя бы закричать. Мимо трибуны с воплями промчалась Тамара Михайловна. К Вере подскочила Олеська. Она потрянула ее за плечи:

– Ты чего смотришь?! Телефон! – закричала она Вере в лицо.

Та забыла, как дышать.

Подруга принялась хлопать Веру по карманам. Отыскав сотовый, она быстро набрала короткий номер и истерично завизжала в трубку.

– Нужна скорая! Пятая школа!

Тамара Михайловна отчаянно старалась оттащить малолеток от Стаса, но тех было слишком много. В конце концов, и ее завалили. Физкультурница пыталась прикрыть собой ученика, который уже не подавал признаков жизни. Марат опомнился и теперь махал кулаками направо и налево. Девчонки истошно визжали и носились вокруг дерущихся, не зная, чем помочь. Вдруг, будто по сигналу, малолетки начали разбегаться в разные стороны.

Вера почувствовала, как ее отпускает. Она, спотыкаясь, пошла к турникам, где на земле, весь перемазанный грязью и кровью, лежал ее одноклассник Стас.

– Да что же это?.. Что же... – повторяла Тамара Михайловна, придерживая голову Стаса у себя на коленях.

Марат, тоже весь грязный, стоял рядом, осовело уставившись на одноклассника. Его заметно потряхивало.

Из школы бежал охранник и несколько ребят. Послышались сирены.

Глава 4. Иван

Новая фиолетовая курточка сидела на Светланке ладно. Сестренка этот цвет особенно любила. Казалось бы, что эта малявка может понимать. Нет, женщина и в три года женщина. Пятнадцать минут крутилась перед зеркалом, пока Иван собирал ее на прогулку. Показала ему все кармашки, все замочки по три раза расстегнула-застегнула и все время повторяла: «Сяма, сяма...» – новое слово. Иван не мог скрыть улыбки и просил ее повторять снова и снова. «Теперь в интернате с ребяташками быстро разговорится. А у матери дома только алкашня немычачая. Чему, кроме пакости, они могут научить?»

Иван купил ей в ларьке чупа-чупс и повел на детскую площадку в парке. Пока шли, останавливаясь и внимательно изучая каждую лужу, позвонил Рост и обещал тоже присоединиться. По Светланке он явно не скучал, видно, имел какое-то срочное дело. Ничего хорошего это не сулило.

На площадке было сыро и грязно. Иван с удовольствием отвел бы сестренку в игровую в каком-нибудь супермаркете, но денег хватило лишь на чупа-чупс. Он поправил ей шарфик, натянул шапку до бровей и, усадив сестру на деревянную лавку карусели, пустил ее по кругу. «Скоро наступит настоящая зима, – думал он, – и встречи прекратятся совсем. Её и сейчас-то отпускают через раз. За зиму она забудет ме-

ня. У детей память короткая».

Иван вспомнил, как увидел Светланку впервые. Она сидела в старой зарешеченной кровати, одетая лишь в замызганную футболку не по размеру. Видно, мать выделила свою. Из игрушек – только ложка да пустая железная кружка, по которой девочка неустанно долбила. Иван потянулся к ребенку, хотел взять ее на руки, а она зарядила ему кружкой прямо в переносицу. Да так больно вышло, что у него в глазах помутнело. Он тогда умчался на кухню и, порывшись у матери в шкафах, нашел овсяное печенье. Им-то и приманил к себе девочку, как дикого зверька. Светланка сгрызла каменное печенье до последней крошки, и с тех пор полюбила новоявленного брата больше всех. Ни на шаг от него не отходила, висла на руках и больше ни к кому не шла, даже к Росту.

Иван и сам не понимал, почему так привязался к сводной сестре. Особого интереса к детям он раньше за собой не замечал. Но когда увидел ее, взял на руки, почувствовал вдруг, будто это его ребенок, и именно он больше всех за нее в ответе. Мать же оказалась только рада спихнуть с себя заботы.

Иван несколько раз пытался дознаться у нее, кто отец Светланки. Та воспринимала вопросы как оскорбления, кидалась на него с кулаками и руганью. Иван решил, что она наверняка и сама не знает. Поначалу он внимательно присматривался и подозревал многих. Компания ухажёров-собутыльников у матери была весьма обширной. Но со временем он все больше склонялся к Семёну. Именно этот «пле-

шивый дрищ», бывший зек, которого он ненавидел больше чем остальных вместе взятых, вероятно, и был отцом девочки. Вообще-то Светлана во всем походила на мать, но ее водянисто-голубые, слегка навывкат, глаза делали отцовство Семёна очевидным. Тот же отцовских чувств не проявлял, ребенком не интересовался, но однажды приволок Светланке большого плющевого зайца. Иван с удовольствием сжег бы его в огороде, но игрушка понравилась девочке.

По большому счету, именно из-за Светланки Иван и бросил школу. Справляться с маленьким ребенком одному, да еще ездить на другой конец города на занятия было слишком хлопотно и затратно. Денег своих у него не водилось, лишь изредка брат подкидывал по мелочи. Иван много пропускал, домашние задания перестал делать вовсе. Когда же зимой наступили особенно суровые морозы, решил, что с него достаточно, нужна передышка. На самом деле, он надеялся вернуться в школу через пару-тройку недель, но неожиданно к ним домой на Привокзальную явилась классная, Наталья Степановна. Он узнал о ее приходе по оглушительному трехэтажному мату, который доносился со двора. Мать встретила классную первой. Учительница, вероятно, пыталась дознаться, почему Иван не посещает школу (Рост выпустился после девятого класса и уже никого не интересовал). Иван выглянул в окно кухни как раз в тот момент, когда в Наталью Степановну летело полено. На счастье, мать промахнулась. Учительница с визгом скрылась за воротами.

После такого «теплого» приема Иван не решился вернуться в класс.

– Че ты с ней возишься? Нахрена она тебе сдалась? Педофил, что ли?

Сзади незаметно подошел брат и, хлопнув Ивана по плечу, прервал его задумчивость.

– Щас кто-то огребёт... – процедил Иван и угрожающе посмотрел на Роста. Здороваться между ними тоже считалось излишним.

– Да шучу я, – Рост спрятал руки в карманы и поежился.

– Она, между прочим, и тебе сестра.

Брат оставил это заявление без комментариев, только поморщился.

– Че хотел? – спросил Иван.

– А слышал, привокзальная босота на этой неделе закинула пробный шар в нашу бывшую школу? Дерзкие посадили на перо одного из старших. Теперь вся школа прогнетса, как пить дать. Уже назначили смотрящего, будет собирать на подогрев.

– Думаешь, мне интересно? И вообще, фильтруй при ребенке, – Иван оставил Светланку на карусели, а сам пошел к лавке. Больше всего в брате его раздражали такие вот речи. Ведь Рост реально считал, что это круто – выражаться тюремным жаргоном, вместо игр в ММО и походов в кино сбиваться в стаи и болтаться по грязным дворам, чтобы трясти малолеток.

«На перо, он сказал? – подумал Иван. – Дичь какая! Врет, должно быть».

– Да этот ребенок слышал побольше твоего, – Рост пошел за ним следом. – Брателло, разговор есть. – Он достал из кармана пачку сигарет, взял одну и предложил Ивану. Тот машинально потянулся, но потом вспомнил, что вроде как бросил, и отказался. Рост пожал плечами и спрятал пачку.

– Трава так и не нашлась, – сказал он, закуривая.

Дым защекотал ноздри, и Иван почувствовал, как у него сводит живот. Он ничего не ел со вчерашнего дня, а теперь еще и курить бросил. Святоша!

– Я Лысому торчу семьдесят гребаных косарей, – продолжал Рост.

Иван порылся в карманах, нашел замусоленную десятку и протянул брату.

– Ты прикалываешься! – выпалил тот, отстраняясь от денег.

– У меня больше нет, – невозмутимо ответил Иван, спрятал деньги в карман и отвернулся.

Светланка догрызла чупа-чупс и теперь карабкалась на горку. Иван подошел, чтобы подстраховать, а когда она оказалась на вершине, подтер рукавом местами грязный спуск и, растопырив руки, крикнул ей:

– Ну, давай!

Светланка замялась и, в конце концов, передумала спускаться с горки. Потопала назад к лестнице. Иван покачал го-

ловой и поспешил поддержать ее, чтобы не оскользнулась. Подошел Рост, переминаясь.

– Оставь ее, пусть сама играет! – он нервно затаился. – Я те сказал, поговорить надо. Ты мне брат или кто?

– Ну, че ты давишь? Чем я тебе помогу? Я что, похож на миллионера?

– Есть идея поднять круглосуточный на Привокзальной.

– И чья эта гениальная идея?

– Моя, – Рост сделал последнюю затяжку, бросил под ноги сигарету и утоптал ее в грязь. – Придем ночью по-тихому. Ты на шухере постоишь, я кассу возьму.

– Ты че, debil? Тебя на вокзале все знают.

– Да мало ли ларьков по городу? Одним все равно не обойдемся...

– Ты... – Иван всем видом выражал недоумение. – Бра-телло, ты вообще о чем?! С дуба рухнул? Ты мне че предлагаешь?

– Я предлагаю тебе заработать денег. Ходишь как обсосок! Посмотри на себя... – Рост схватил Ивана за грязный рукав куртки.

– А лучше наркотой торговать? – Иван раздраженно от-дёрнулся.

– Да хоть чем-нибудь займись.

– Я бы и занялся, если бы кое-кто не слил мой ноут... Про-пили, упыри! Квартиры не хватило, так даже комп загнали за бутылку.

– С матерью разбирайся, я тут ни при чем, – отмахнулся Рост.

– А может, с Семёном?

– Может, и с ним.

– Тебе-то самому как? Они ведь и тебя обокрали.

– На обиженных воду возят, – Рост полез за новой сигаретой.

– Да! Вот и вези сам! – Иван схватил Светланку на руки и быстро зашагал прочь.

Рост догнал и преградил дорогу.

– Слушай сюда, – сказал он, скрипя зубами. – Думаешь, такой умный? Тебя не трогают только потому, что я впрягаюсь. Батрачу за двоих! А ты только ходишь и ноешь! Че ты ноешь, а? Много ты своим нытьем заработал? Помогло оно тебе, а? Вот и не ной! – он громко швыркнул носом и смачно сплюнул. – У тебя кликуха на районе «чмо ходячее».

– Думаешь, меня это волнует?

– Меня это волнует! Если ты чмо, то и я – чмо! – он ткнул Ивана пальцем в грудь. – Тебе понятно?

– Это твои разборки!

– Нет, это наши разборки! И ты мне поможешь.

* * *

Рост прислал ему адрес и велел быть на месте к полуночи. Старые кирпичные пятиэтажки с бетонными крылечка-

ми, ведущими в темные подъезды. Освещения почти никакого, лишь пара-тройка фонарей. Круглосуточный магазинчик уютился в подвальном помещении, с торца. Иван сидел на лавке возле дома напротив и наблюдал за входом. За это время туда заходила компания парней сомнительного вида, да старуха с авоськой из ближайшего подъезда.

Рост опаздывал. Иван судорожно сжал в замок руки и выстукивал истеричный ритм каблуками по асфальту. Вот и он докатился... Что сказал бы отец? Насчет брата он бы вряд ли удивился, а вот Иван «не такой», «подавал надежды». Вообще-то, отец часто бывал неправ, и наверняка именно назло ему Рост стал тем, кем он стал, «непутёвым». Отец был строг, но Ивана любил, и даже баловал – супермощный игровой комп, айфон, стереосистема, модные шмотки... Брату же доставались затрешины и претензии: «учишься плохо», «дружишь не с теми», «ведешь себя вызывающе». Иван раньше не думал об этом, ведь они с Ростом вполне сносно уживались. Если тому что-то требовалось из его вещей, он всегда мог попросить, Иван никогда не отказывал. Теперь-то он понимал, что все-таки это были его вещи, а Росту слишком часто приходилось просить. Иван только недавно понял, что их с братом разделили с самого начала. Они были целым, а родители растащили их каждый в свою сторону.

Но отца больше нет, зато есть брат – родной человек, который, кажется, не переставал его любить, несмотря на несправедливость. Они всего лишь поменялись местами, и

теперь очередь Ивана терпеть. Он должен смириться, принять новую реальность, перестать корчить из себя «правильного мальчика». Правильные живут с любящими родителями, хорошо одеваются и имеют планы на будущее. А ему таким не быть – значит, быть как брат. В его жизни теперь мать – алкоголичка и потаскуха, ее хахаль – бывший зек Семён, барыга Лысый, босота с района... Другого не дано и выбора нет. Нужно приспособливаться, вливаться, становиться кем-то, кого будут «уважать», как Роста.

«Это я – чмо ходячее?» – думал Иван, чувствуя, как над губой собираются капельки пота. Он вспоминал бычьи взгляды и кривые ухмылки босоты с района. Эти пацаны, казалось, и читать-то не умеют. Иван, со своим вторым местом на областной олимпиаде по математике, никогда бы не подумал, что придется добиваться уважения у таких, как они. «Ты че-на? Ниче-на...» Он презирал их, и брата презирал, и даже не скрывал этого. А ведь они – живые люди, и просто пытаются выжить, как он. Ведь это жизнь такая...

Пришла смс-ка от брата: «Рядом».

Сердце хлопнулось изнутри о ребра. Иван надвинул на голову капюшон куртки.

«И что же я за ссыкло такое!» – выругал он себя, но успокоиться это не помогло.

Через минуту подошел Рост.

– Замерз? Ща согреемся, – сказал он, криво улыбнувшись, и полез в карман. – Смотри...

В руках у него оказался пистолет. Иван аж подпрыгнул.

– Блин, че за дичь! – выкрикнул он и осекся. – Ты где его взял? Зачем?! – зашептал он.

– Спокойно! Это муляж, – Рост перещелкнул затвор и покрутил оружие в руках. – Игрушечка, не отличишь, да?

Иван почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

– А ты думал, зайдем, а нам сразу пакет с деньгами, перевязанный розовой ленточкой? – хмыкнул брат.

Пистолет скрылся в кармане.

– Слушай, может не надо? То, что ты предлагаешь, это ж... грабеж, реальная уголовщина. Нас посадят.

– Мне деньги нужны, срочно!

– Ну, придумай что-нибудь. Как-то по-другому надо... – замялся Иван. – Ты же рассказывал, недавно вы у какого-то мажора машину отжали. Ну, давай тоже замутим...

– Нахрена мне машина сейчас? Куда я с ней? Мне деньги нужны.

– Отдашь Лысому в счет долга.

– Ага, и он сразу поймет, какой я лох, что кило товара просрал, – Рост помотал головой. – Кто мне после такого серьезное дело доверит? Кто уважать будет?

– Да достал ты со своим уважением! – вспыхнул Иван. – Это магазин! Не врубаешься, что ли?! Нас поймают и посадят.

– Не каркай, ворона! Магазин – реальное дело. Если что, пацаны скажут: Ростислав облажался, Ростислав разрулил

по-пацанки с братом.

Последний аргумент, несмотря на всю абсурдность, имел для Ивана значение. Рост был прав, уважение в этой среде кое-что значило. Иван давно ходил тихо, жался по углам, как отщепенец. Может, если покажет себя с другой стороны, от него отвяжутся, перестанут считать хлюпиком.

– Ты хоть знаешь, кто там? Раньше заходил? – спросил Иван.

– Конечно.

– А охранники?

– Охранник – это моя проблема. А твое дело – толстуха за кассой. Вот, – Рост вытащил из-за пазухи холщовую сумку. – Подашь ей, пусть складывает бабло сюда.

– Ты точно все продумал?

– Ива, не парься! Заходим, я к охраннику, ты к кассе: «Деньги, сука, давай!», ждешь пять сек, забираешь, и сваливаем. Просто, как два пальца об асфальт.

Иван взял сумку.

– Погнали!

– Стой! А ты... уже когда-нибудь... ну?

– Капец, какой ты нудный! – Рост сплюнул. Он весь был словно на пружинах. Глаза в темноте посверкивали, как огоньки фар на трассе.

Лихорадочное возбуждение брата передалась отчасти и Ивану. Ему стало жарко, захотелось двигаться, будто услышал реально качающий трек.

– Хорошо, пойдём, – он уверенно зашагал к магазину.

– Воу, воу! Я первый, – Рост обогнал его, доставая из кармана муляж пистолета. – Да стой! – Он вытянул из-под куртки длинный ворот шерстяной водолазки и натянул его на нос. Иван сделал то же самое.

* * *

За кассой сидела женщина с тощим невзрачным лицом и зализанными волосами мышинового цвета. Она листала глянец.

«А толстуха? – увидев продавщицу, Иван впал в ступор. – Да он здесь ни разу не был...»

Рост толкнул его в спину, и Иван опомнился.

– Деньги, – пискнул он и кинул сумку продавщице.

Та подняла на него сонный взгляд и лишь удивленно дернула бровью.

– Сука, деньги из кассы в сумку! – Рост говорил уверенно и четко. Он стоял чуть позади Ивана и держал муляж пистолета на вытянутых руках.

Женщина подобрала с прилавка сумку, открыла кассу и начала медленно поднимать скрипучие зажимы для денег.

– Шевелись! – подбодрил ее Рост.

Продавщица собрала все бумажные купюры. Она не истерила, как ожидал Иван, выполняла действия спокойно, и даже как будто безразлично.

– Мелочь? – спросила она прокуренным голосом.

Из технического помещения в глубине магазинчика слышался глухой звук слива и дверной скрип.

– Забирай, – скомандовал Рост.

Иван сделал шаг вперед и выхватил сумку с деньгами.

За спиной женщины отдернулась тяжелая штора, показавшись широкая спина в клетчатой рубашке.

– Опять туалет засорился, придется вызывать... – мужчина обернулся.

– Стоять! – завопил Рост.

Охранник втянул подбородок и брезгливо поморщился.

– Руки! Руки подыми!

Об пол что-то глухо стукнулось. Мужик поднял из-за прилавка пустые руки.

– Ива, проверь, че у него было.

– Да ладно, пошли уже...

– Проверь!

– Пацаны, вы вообще знаете... – начал было мужик, обращаясь не к ним, а куда-то вдаль. Рост тряхнул пистолетом и велел ему заткнуться.

Иван заглянул за прилавок. На полу лежал сверток. Он поднял его.

Брат кивком указал ему на выход. Иван не мог оторвать взгляда от лица мужчины, который смотрел то на него, то на брата с неподдельным недоумением, как на чокнутых.

– Давай! – скомандовал Рост, оставаясь на месте и держа

пистолет в крепких руках.

Иван сунул сверток к деньгам и развернулся к выходу. В проходе, у распахнутой двери, стояла... Он сразу узнал ее, но все равно не поверил глазам. Его бросило в жар, и он стянул с лица ворот водолазки.

Вера молча и напряженно наблюдала за происходящим.

Рост попятился и толкнул Ивана спиной. Тот выронил сумку, но тут же поднял ее. Брат заскрежетал зубами. Иван неловко подошел к Вере. Она посторонилась и дала ему выйти. Через пару секунд из магазинчика выскочил и брат.

– Бежим! – он вырвал из рук Ивана сумку и, не дожидаясь его, бросился в темную подворотню. Иван понесся следом.

Глава 5. Вера

– Ты с ними? – угрожающе спросил мужчина в клетчатой рубашке.

– Извините... – растерянно пролепетала Вера и сделала шаг назад. – Простите... Я просто... я за колой...

Продавщица открыла холодильник и достала пол-литровую Зеро.

– Шестьдесят пять, – она поставила бутылку на прилавок и сложила руки на груди.

– Извините, – опять повторила Вера, – в следующий раз.

– Передай своим отморозенным, – бросил охранник, – что их найдут, и мало им не покажется...

Вера бросилась на улицу, но, пробежав до угла дома, остановилась и начала оглядываться. Где она, и сколько сейчас времени? Должно быть, за полночь. Вокруг ни души, и окна во дворе темные.

Как она сюда добралась? На чем?

В карманах, кроме завалывшейся пластинки жвачки и пузырька с таблетками, ничего не обнаружилось.

Телефон? Деньги?..

Стало еще тревожнее.

Вернуться к магазину и спросить дорогу? Охранник ей явно не поверил. Вызовет полицию – это в лучшем случае, а если решит наказать по-своему? Она вспомнила его скула-

стое угрюмое лицо, и слезы сами покатались из глаз. Неужели придется заночевать на улице?

Беспрестанно оглядываясь и чувствуя затылком опасность, Вера зашагала туда, где улица казалась более освещенной. За жилым кварталом, вероятно, начинался проспект. Она надеялась, что там все еще можно поймать какой-нибудь транспорт.

«Домашние девочки в такое время спят в своих кроватках, – думала она, – да и не домашние уже разбежались. Остались только самые отчаянные».

Вера расстегнула ворот куртки, сжала между пальцев новенький золотой нательный крестик и, постукивая зубами, неуверенно зашептала:

– Господи, отче наш, сущий на небесах... Спаси и сохрани... Куда же теперь идти, господи? Меня изнасилуют и убьют, господи спаси...

– Эй, постой! – позвал басовитый голос.

Вера подпрыгнула от неожиданности и помчалась вперед по темной улице. Тяжелый топот приближался. Вера свернула на перекрестке и бросилась на противоположную сторону дороги. Там зеленым помигивал крест аптеки, освещая навес автобусной остановки напротив.

«Может, люди?..»

– Вера, это я! Подожди!

Услышав свое имя, она замедлилась, но потом рванула еще быстрее.

«Он... Узнал... Они угрожали продавцу пистолетом! А если выстрелит? Заставят молчать...» – кипели в голове обрывочные мысли.

Она почувствовала, что слабеет. Голова стремительно наливалась тяжестью. Ноги вязли и подкашивались. До остановки Вера так и не добралась. Едва преодолев широкий проспект, упала прямо на сырой от ночной мороси тротуар и забилась в судороге.

Когда немного отпустило, она почувствовала, как чьи-то руки шарят по ней, хлопают по груди. Вера дернулась встать, закричала было, но тут же упала, сраженная новой острой болью в затылке.

– Где твои таблетки? – суетливые пальцы нагло ощупывали ее, лезли в карманы. – Вот, держи!

Ее подбородок обхватила чужая ладонь. Почувствовав на губах два круглых шарика – «мои таблетки», она слизнула их и тут же проглотила. Ее подхватили и понесли куда-то, но недолго. Скоро усадили на что-то очень холодное. Вера поежилась.

– Как ты? В порядке? – спросил обеспокоенный хриловатый голос.

Перед глазами все еще мельтешили темные пятна, Вера едва могла видеть. Она опустила пониже голову и потеряла глаза. Наконец, картинка прояснилась. Она сидела на металлической лавке под козырьком автобусной остановки, куда так стремилась. Над ней склонился Иван. Он с беспокой-

ством оглядывал ее и без конца переспрашивал, лучше ли ей, и не нужно ли вызвать скорую.

– Нет, я уже в порядке, – пролепетала она по привычке и тут же пожалела.

«Пусть вызовет скорую, пусть за мной приедут и увезут домой!»

– Точно? – переспросил Иван.

– Нет, кажется, нет... Мне нужно домой...

– Сейчас уже ничего не ходит, – он начал озираться. – Хочешь, я вызову такси?

– Пожалуйста! – она была готова умолять.

Иван вытащил из кармана маленький телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.